

Лоуренс Гонсалес

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ

Психология поведения
в экстремальных
ситуациях

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Laurence Gonzales

DEEP SURVIVAL

Who Lives, Who Dies,
and Why

*True stories of miraculous endurance
and sudden death*

W. W. Norton & Company

NEW YORK LONDON

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Лоуренс Гонсалес

Остаться в живых

Психология поведения
в экстремальных ситуациях

*Правдивые истории об удивительной стойкости
и случайной смерти*

Перевод с английского Алексея Андреева

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»
Москва, 2014

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 159.96
ББК 88.26-69
Г65

Гонсалес, Л.

Г65 Остаться в живых: психология поведения в экстремальных ситуациях / Лоуренс Гонсалес ; пер. с англ. Алексея Андреева. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 336 с.

ISBN 978-5-00057-094-4

Никто из нас не застрахован от смертельно опасных ситуаций, но немногие знают, как нужно правильно действовать в таком положении, как не поддаваться эмоциям и преодолевать подобные ситуации.

Эта книга дает глубокое представление о природе и психологии выживания. В ней собраны захватывающие и невымышленные истории о людях, которые находились между жизнью и смертью. Автор книги, один из ведущих исследователей психологии выживших, описывает множество поразительных случаев гибели и спасения. Опираясь на серьезные научные данные в нейробиологии и психологии, он раскрывает основополагающие принципы выживания, понимание которых изменит ваш взгляд на мир.

УДК 159.96
ББК 88.26-69

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

© 2003 by Laurence Gonzales

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

ISBN 978-5-00057-094-4

[>>>](http://kniga.biz.ua)

Оглавление

Пролог.....	9
ЧАСТЬ I. Несчастные случаи: почему люди погибают	
Глава 1. «Осторожнее, Рэй Чарльз приближается...».....	23
Глава 2. Воспоминания о будущем	50
Глава 3. Карта мира	62
Глава 4. Горилла среди нас	76
Глава 5. Анатомия стихии	90
Глава 6. Парадокс кучи.....	104
Глава 7. Правила жизни	123
Глава 8. Зоны опасности	138
ЧАСТЬ II. Выживание: почему люди спасаются	
Глава 9. Подгонка карты	157
Глава 10. Вылепленные из правильного теста	179
Глава 11. «Мы здесь все сдохнем, мать твою!».....	200
Глава 12. Место в аду с видом на рай.....	226
Глава 13. Заповедники души.....	239
Глава 14. Определенная степень благородства	258
Глава 15. День падения.....	271
Приложение. Правила выживания.....	289
Благодарности.....	306
Библиография	307
Примечание	313

Посвящается моему отцу

*Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей —
Не уходи безропотно во тьму!*

Дилан Томас
[В переводе В. Бетаки]

Пролог

ДЕТЯМ ЧАСТО РАССКАЗЫВАЮТ удивительные истории. Дети подрастают и начинают понимать: в услышанном нет ни капли правды. Когда я был маленьким, то тоже слушал разные фантастические истории, правда, потом обнаружилось, что все они правдивые. Чем старше я становился и чем больше вникал в их подробности, тем все более они превращались в подлинные и одновременно все более становились нереальными.

Мои детские истории отличались от тех, которые обычно рассказывают другим детям. Мои казались невероятными, страшными и очень горестными. Поэтому я не делился ими со своими сверстниками — все равно вряд ли кто из них поверил бы мне. Одной такой историей был рассказ о юноше, падающем с неба. Но, в отличие от взлетевшего к самому солнцу Икара, этот юноша не успел подняться слишком высоко. На расстоянии восьми тысяч метров от Земли в его самолет попал немецкий снаряд, выпущенный из восьмидесятивосьмимиллиметрового зенитного орудия, защищавшего небо над сортировочной станцией под Дюссельдорфом. Юноше повезло больше, чем Икару, — он выжил. И вот сейчас я пишу о нем.

Мой отец, Федерико Гонсалес, встретил конец Второй мировой войны в звании первого лейтенанта*. Он был командиром «Боннга» В-17 — бомбардировщика, называвшегося еще «летающей

* *Первый лейтенант* — второе звание младшего офицерского состава в ВВС США; равнозначно российскому старшему лейтенанту. — Здесь и далее примечания переводчика и редактора.

крепостью». Летал отец в составе Восьмой воздушной армии США, служба в которой на том этапе военных действий для многих молодых летчиков стала наикратчайшим путем в мир иной*. Отцу предстояло совершить на «летающей крепости» свой последний, двадцать пятый вылет. Дело в том, что он вместе с приятелем Дэвидом Свифтом подал прошение о переводе на «Мустанг» P-51 — одноместный истребитель, получивший название «крылатый рыцарь». Летать на истребителях было его давней мечтой, но какие-то обстоятельства все время мешали этому. Отец поступил на военную службу перед самым началом войны и попал в конное подразделение Кавалерийской дивизии. Он мог на полном скаку выпустить в мишень из своего M-1911 сорок пятого калибра всю обойму, потом в один миг развернуть лошадь и перезарядить кольт — и снова расстрелять всю обойму, попадая ровно в цель. Но после начала Второй мировой войны конницу упразднили, а Кавалерийская дивизия, сохранив свое название, стала бронетанковой дивизией Армии США. Отец в поисках нового места службы, не уступающего по драйву предыдущему, открыл для себя самолеты. Он решил стать летчиком-истребителем, но армия нуждалась в летчиках-бомбардировщиках. Через сорок пять лет один из его командиров сказал мне: «У твоего отца врожденный талант управлять самолетом».

«Боинг» отца был сбит 23 января 1945 года в небе над Германией, во время одной из тех массированных атак, которые в конце войны проводили в глубоком тылу врага бомбардировщики Восьмой воздушной армии США. Перед вылетом командир Триста девяносто восьмой бомбардировочной группы попросил второго летчика постоянного отцовского экипажа остаться на земле. Полковник Фрэнк Хантер хотел лично наблюдать весь рейд из кабины «Боинга» B-17 — ведущего группы бомбардировщиков, — поэтому сам занял правое кресло, то есть место помощника командира корабля. Перед рассветом бомбардировщики поднялись с аэродрома в Нутампстеде, своей военной базы в Англии, и взяли курс через Ла-Манш на Германию.

* По имеющимся данным, 50% потерь ВВС США во Второй мировой войне приходилось на долю Восьмой воздушной армии.

Самолеты, достигнув цели, вышли на атакующую позицию. Именно в этот момент зенитный снаряд попал в левое крыло «Боинга» моего отца, задев первый двигатель. Во время нанесения бомбового удара бомбардировщики не могут маневрировать и уходить от огня зениток, иначе бомбы не попадут в намеченные объекты. Этой боевой группе крайне не повезло — их ведущий был подбит с первого раза. Снаряд нанес машине смертельную рану — в девяти из десяти случаев она оказывалась фатальной и для всего экипажа. После того как последовал оглушительный грохот удара, отец понял, что бомбардировщик обречен. Он повернулся к полковнику Хантеру и промолвил: «Ну вот и всё. Кажется, приехали».

Самолет, перевернувшись кабиной вниз, падал, крутясь вокруг своей оси, и никак не реагировал на попытки отца его выровнять. По внутренней связи отец дал команду экипажу покинуть воздушное судно, хотя не знал, работает ли переговорное устройство или разбито осколками снаряда. Мир вокруг потускнел и окрасился в незнакомый тошнотворный цвет. Одновременно зажглись все огни и зазвучали все приборы всех систем сигнализаций — так протестовал бомбардировщик против врывающихся в разбитые окна кабины порывов ветра. Смертельно раненная машина ревела, стонала и выла. Отец посмотрел в сторону полковника и понял, что тот уже мертв. Убит во время взрыва осколком снаряда или оторвавшейся частью самолета.

В крутящемся самолете, сам повиснув вниз головой, отец нащупывал под сиденьем парашют. Во время попадания снаряда бомбардировщик летел на высоте восемь тысяч метров. Отец не представлял, на каком расстоянии от земли он находился после взрыва, но понимал, что пора прыгать. По уставу каждый член экипажа на протяжении всего полета обязан находиться на боевых местах с надетым парашютом, но такому бывалому, такому уверенному в себе асу, каким был мой двадцатитрехлетний отец, казалось чертовски неудобным высидеть десять часов полета с парашютом за спиной. Любой опытный летчик скажет вам, что так или иначе, но в подобной ситуации шансы на выживание совсем мизерные: медленно спускающийся человек под огромным тринадцатиметровым куполом представляет собой великолепную мишень для снайпера. А в те тяжелые для местного населения годы не только солдаты вермахта, но и крестьяне баловались стрельбой по американским пилотам, которые выбрасывались

с парашютами из подбитых самолетов. Женщины и дети собирали все ценное, что могли найти среди обломков бомбардировщика: нейлон, шерсть, пластик, металлы всех видов, парашютный шелк, спасательные маски, инструкции и всевозможные карты.

Из-за дурацкого ремня безопасности отец не мог дотянуться до парашюта. Центростремительная сила бросила его на приборную доску; ударом перебило толстую резиновую трубку, по которой кислород поступал в маску, и он почти лишился сознания. Лежа ничком на приборной доске и зная, что самолет быстро теряет высоту, отец с трудом — руки налились свинцовой тяжестью — снял с себя маску. Боковым зрением он видел, как безжизненно болтается на пристяжных ремнях тело Хантера. Отец сделал глубокий вдох. «Проклятье! — пронеслась последняя мысль. — Высота все еще больше шести километров», — и окончательно потерял сознание от кислородной недостаточности.

Пока он пребывал в бессознательном состоянии, самолет успел развалиться на две части. Между тем стоящая внизу старая фрау Пайффер с интересом наблюдала, как с небес валятся люди. Из десяти членов экипажа выжил только один — мой отец. Нетрудно догадаться, что от падения с такой высоты у него было сломано и повреждено практически все.

Отец пришел в себя. И понял, что уже не падает. Он лежал на земле внутри разбитой кабины, сквозь которую ему было видно небо; со всех сторон его сдавливали резиновыми и алюминиевыми кусками от приборной доски и руля управления. Казалось, он рождается заново, но теперь — из чрева самолета, чьи обломки уберегли его, словно материнская плацента. В прогале бывшего окна кабины возникла человеческая фигура. Это был немецкий крестьянин, взобравшийся на обрубок правого крыла. Он держал пистолет и целился отцу в голову. Бомбардировки союзников не пользовались популярностью среди местных жителей, и они, когда предоставлялась такая возможность, без сожаления убивали американских летчиков. Довольно отрешенно отец созерцал, как крестьянин нажимает на спусковой крючок.

В ДЕСЯТИЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ, то есть в 1958 году, я начал подрабатывать в Хьюстонском медицинском центре, вернее в его учебной

лаборатории, где мой отец проводил биофизические исследования. Я уговорил его взять меня туда на работу, поскольку хотел поближе узнать, чем он занимается. С пяти лет я забрасывал отца вопросами о его работе, но он никогда не мог толком объяснить, в чем она состоит. Почему-то другие родители умудрялись рассказывать детям о своих занятиях, а моему отцу никак не удавалось. Мне, ребенку, это казалось крайне подозрительным. Наконец, когда мне исполнилось восемь лет, отец позволил мне приходить к нему в лабораторию после школы и в выходные дни; и я, не забывая наблюдать за тем, что он делает, мыл пробирки и выполнял самую разную неквалифицированную работу. Постепенно отец стал поручать мне все более и более ответственные задания. Я овладел наукой подготавливать препараты для микроскопов раньше, чем научился танцевать.

На заре моей «научной карьеры» моей основной обязанностью было собирать и выносить мусор в специальное помещение, где находилась мусоросжигательная печь. Этот мусор состоял из разрезанных мышей и тому подобных лабораторных отходов. Я тащил набитые мешки по кафельным плитам длинного коридора, тускло освещенного с обеих сторон стеклянными витринами, где на полках стояли залитые формалином банки разной величины, а в них находились демонстрационные образцы. Человеческая голова, аккуратно нарезанная ломтями по три сантиметра шириной. Масса зародышей самых разных стадий развития. Безголовый и безрукий торс женщины, распиленный пополам от грудины до лобка. Этот торс, плавающий в формалине, вполне мог привидеться в кошмарном сне в виде сюрреалистической насмешки над боттичеллиевской Венерой, выходящей из морской пены.

Я доходил до печи и отодвигал ее тяжелую проржавленную железную дверь. Однажды, собираясь закинуть в ревущую огненную пасть очередной мешок, я заметил торчащую из огня человеческую руку. Почему-то в первый момент меня охватило чувство возмущения, и только потом пришел страх. Я понял, что именно здесь, в этом пламени, когда-то исчезли руки и остальные недостающие части тела моей Венеры. И следующей реакцией стал вопрос: «Какого черта я здесь делаю?» Тогда мне не удалось найти ответа, но позже он появился. Я пытался идти по отцовскому следу, мне хотелось

проникнуть в его тайну: из какого такого добротного материала вылеплен мой отец. Ведь сыну должно учиться у своего родителя, разве не так?

Отец был научным исследователем, поэтому и я рос с верой в науку. Сам еще не понимая этого, я начал поиски универсальных правил — законов жизни.

МОЙ ИНТЕРЕС К ВОПРОСУ ВЫЖИВАНИЯ возник довольно рано. Будучи еще малым дитем, я стал задумываться над отцовскими рассказами о войне. Мне виделся какой-то глубокий смысл в том, что многие люди погибли, а он остался в живых. Снова и снова выслушивая его историю, я никак не мог постичь мучившую меня тайну: раз отец выжил — значит, он обладает какими-то особыми, секретными качествами. Казалось, мне тоже просто немедленно нужно стать таким же, как он.

Постепенно у меня начала складываться определенная теория: чтобы выжить, необходимо закалиться в огне опасности. Мне мерещилось, что даже повседневная жизнь отца была наполнена гибельным риском, ведь на работе его окружали мертвецы. А он живет и смеется в лицо смерти. В результате я начал искать опасные ситуации и сознательно шел на риск, чтобы иметь возможность испытать себя. Мы жили на юго-востоке Техаса рядом с заболоченным участком реки, где водились крокодилы, страшно кусачие каймановые черепахи, разные ядовитые змеи вроде водяных щитомордников и гремучников. И я, семилетний мальчик, решил осваивать наши дикие необжитые места со всей этой смертельно опасной нечистью. Техасские болота стали моей личной средой обитания. У моей немки-матери, с ее католическими ирландскими корнями, было слишком много детей, чтобы она могла уследить за всеми. Поэтому я, не ощущая никакого контроля, жил совершенно своей жизнью.

В четвертом классе я стал описывать те опасные ситуации, которые сам для себя выбирал. К своим двадцати годам я уже делал это в качестве журналиста. Через тридцать лет ко мне пришло понимание, что я с детства, сам того не подозревая, только и занимаюсь проблемой выживания. Однако всякий раз, особенно после очередной сложной командировки, меня мучают сомнения: овладел ли я этим знанием?

стал ли настоящим специалистом по выживанию? или остались еще не изведенные мною тайны?

Я научился управлять самолетом. Изучал крупные авиационные катастрофы, писал о пограничных ситуациях, когда человек находится между жизнью и смертью, — о тех моментах, через которые прошел и мой отец.

При моем почти врожденном интересе к науке я искренне полагал, что существуют специальные исследования и с их помощью мне откроются тайны выживания. Многое, с чем мне приходилось сталкиваться, без научного взгляда казалось просто необъяснимым. Как, например, вполне здравомыслящий человек может совершать безрассудные поступки, пренебрегая всеми рациональными советами опытных людей, подвергая себя смертельной опасности в полном противоречии со здравым смыслом и голосом разума? Почему абсолютно адекватный человек не хочет прислушаться к тому, что если он направит свой снегоход вверх по склону, то спровоцирует смертельно опасную снежную лавину? Тем не менее он делает это и погибает. Отчего пожарный или опытный турист продолжает упорно идти, хотя понимает, что сбился с верного направления, и окончательно теряется в дремучей тайге? По какой причине в море умирают аквалангисты, хотя в их баллонах еще остается воздух? Что заставляет их вынимать изо рта трубку и задыхаться под водой? Если можно было бы магическим образом, за секунду до рокового момента, перенести какого-нибудь аквалангиста на сушу и поинтересоваться: зачем он собирается это сделать? — он не смог бы объяснить своего поведения. Ведь он прекрасно понимает, насколько необходим для его выживания под водой доступ к воздуху. Если можно было бы силой волшебства спросить аквалангиста уже после его гибели: зачем? — он сказал бы, что намеревался жить и вовсе не предполагал вынимать изо рта трубку.

Я прочитал сотни отчетов о трагических происшествиях и гибели людей, я написал на эту тему массу статей. Иногда мне кажется, что внутри человека присутствует необъяснимая сила, толкающая его совершать сумасшедшие поступки. Большинству людей сложно представить, что разум не всегда контролирует наше поведение. Мы верим в рациональное мышление и свободу воли. Однако так

или иначе, но меня не перестают изумлять вполне разумные и рассудительные люди, начинающие действовать иррационально.

Равным образом меня ставят в тупик и те, кто выживает в чрезвычайных обстоятельствах. Я знаю ситуации, когда опытный охотник может потеряться в лесу и навсегда исчезнуть за одну ночь, а четырехлетний ребенок, попавший в такие же условия, выживает. В дрейфующей в океане лодке находятся пятеро людей — спасаются из них лишь двое. Что оказывается решающим? Как выживали люди в концентрационных лагерях? Почему в Антарктиде группа Эрнеста Шеклтона не потеряла ни одного человека, тогда как вся экспедиция Роберта Скотта погибла? Благодаря чему смогла выбраться из перуанских джунглей семнадцатилетняя девушка, а взрослые, потерявшиеся вместе с ней, сдались и умерли? Ученые любят анализировать вероятности, устанавливать закономерности и всегда ищут возможности для прогнозирования, но, как выясняется, способность к выживанию предсказать необыкновенно сложно. Тем не менее, изучая множество бедствий, скрупулезно перебирая мельчайшие детали катастроф, я начинал нащупывать некоторые принципиально важные схемы поведения.

Большинство ответов и выводов, к которым я пришел за долгие годы исследований и журналистской работы, не представляют собой ничего особенно нового. Я познакомился с последними исследованиями по вопросам, которые на самом деле ставились и изучались сотни и даже тысячи лет назад: функции человеческого мозга, психология принятия рискованных решений, основные принципы выживания. Причем последние применимы не только в моменты спасения в дикой местности. Универсальные правила выживания способны принести пользу в любой трудной ситуации, связанной с повышенным нервно-эмоциональным напряжением: развод; потеря работы; тяжелые физические травмы; борьба с болезнью; управление предприятием в стремительно изменяющемся мире.

Как правило, считается, что для выживания в дикой местности необходимы специальное снаряжение, почти профессиональная подготовка и богатый опыт. Все так, но в минуты страшного испытания вдруг выясняется, что не это самое главное. Тот, кто хочет испытать себя в диких условиях, или тот, кому не хватает адреналина и кто желает пощекотать нервы в непривычных обстоятельствах,

довольно быстро осознает, что и опыт, и тщательная подготовка, и современная экипировка — все это в самый опасный момент может легко подвести. Человека с западным складом ума доводит до бешенства сама идея, что переход той грани, которая отделяет мир живых от царства мертвых, не сводится ни к степени его подготовленности, ни к тому, насколько правильно собран рюкзак. Его знания и психологический настрой в конечном счете тоже не влияют на возможность выживания или гибели. Наверное, мысль моя покажется излишне сентиментальной и даже плоской, но легкое движение весов, на которых лежат ваша жизнь и смерть, зависит от того, что накоплено у вас в душе.